

Plato, Philebus, ed. J. Burnet // Platonis opera, vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1901 (repr. 1967)

14c-17e

- 14c ΣΩ. Τοῦτον τοίνυν τὸν λόγον ἔτι μᾶλλον δι' ὁμολογίας βεβαιωσώμεθα.
ΠΡΩ. Τὸν ποῖον δῆ;
ΣΩ. Τὸν πᾶσι παρέχοντα ἀνθρώποις πράγματα ἐκοῦσί τε καὶ ἄκουσιν ἐνίοις καὶ ἐνίοτε.
ΠΡΩ. Λέγε σαφέστερον.
ΣΩ. Τὸν νυνδὴ παραπεσόντα λέγω, φύσει πως πεφυκότα θαυμαστόν. ἐν γὰρ δὴ τὰ πολλὰ εἶναι καὶ τὸ ἐν πολλὰ θαυμαστόν λεχθέν, καὶ ῥᾶδιον ἀμφισβητῆσαι τῷ τούτων ὁποτερονοῦν τιθεμένῳ.
ΠΡΩ. Ἄρ' οὖν λέγεις ὅταν τις ἐμὲ φῆ Πρόταρχον ἕνα γεγονότα φύσει πολλοὺς εἶναι πάλιν τοὺς ἐμὲ καὶ ἐναντίους ἀλλήλοις, μέγαν καὶ σμικρὸν τιθέμενος καὶ βαρὺν καὶ κοῦφον τὸν αὐτὸν καὶ ἄλλα μυρία;
d ΣΩ. Σὺ μὲν, ὦ Πρόταρχε, εἶρηκας τὰ δεδημευμένα τῶν θαυμαστῶν περὶ τὸ ἐν καὶ πολλὰ, συγκεχωρημένα δὲ ὡς ἔπος εἰπεῖν ὑπὸ πάντων ἤδη μὴ δεῖν τῶν τοιούτων ἄπτεσθαι, παιδαριώδη καὶ ῥᾶδια καὶ σφόδρα τοῖς λόγοις ἐμπόδια ὑπολαμβανόντων γίνεσθαι, ἐπεὶ μὴδὲ τὰ τοιάδε, ὅταν τις
e ἐκάστου τὰ μέλη τε καὶ ἅμα μέρη διελὼν τῷ λόγῳ, πάντα ταῦτα τὸ ἐν ἐκεῖνο εἶναι διομολογησάμενος, ἐλέγχῃ καταγελῶν ὅτι τέρατα διηνάγκασται φάναι, τό τε ἐν ὡς πολλὰ ἐστί καὶ ἄπειρα, καὶ τὰ πολλὰ ὡς ἐν μόνον.
ΠΡΩ. Σὺ δὲ δὴ ποῖα, ὦ Σώκρατες, ἕτερα λέγεις, ἃ μήπω συγκεχωρημένα δεδήμευται περὶ τὸν αὐτὸν τοῦτον λόγον;
15a ΣΩ. Ὅπότεν, ὦ παῖ, τὸ ἐν μὴ τῶν γιγνομένων τε καὶ ἀπολλυμένων τις τιθῆται, καθάπερ ἀρτίως ἡμεῖς εἶπομεν. ἐνταυθοῖ μὲν γὰρ καὶ τὸ τοιοῦτον ἐν, ὅπερ εἶπομεν νυνδὴ,

Платон, «Филеб», пер. Н.В. Самсонова // Платон, Собрание сочинений, т.3, М. Мысль, 1994, стр. 7-78.

Сократ. Давай же подкрепим еще большим взаимным согласием следующее рассуждение.

Протарх. Какое именно?

Сократ. То, которое доставляет всем людям много хлопот, иным по доброй их воле, а иным и помимо нее.

Протарх. Говори яснее!

Сократ. Я говорю о том странном по природе своей рассуждении, на которое мы только что натолкнулись. Ведь странно же говорить, что многое есть единое и единое есть многое, и легко оспорить того, кто допускает одно из этих положений.

Протарх. Не тот ли случай ты имеешь в виду, когда кто-либо утверждает, будто я, Протарх, единый по природе, в то же время представляю собой множество противоположных друг другу Протархов, и считает, таким образом, одного и того же Протарха большим и маленьким, тяжелым и легким и так далее без числа?

Сократ. Ты, Протарх, привел распространенную сказку о едином и многом, а ведь все уже, по правде сказать, согласились, что подобных вещей не стоит касаться: это детская забава, хоть и легкая, но она – большая помеха для рассуждений. Далее, не стоит опровергать также и того, кто, разделив при помощи рассуждения каждую вещь на члены и части и согласившись с собеседником, что все они – та самая единая вещь, стал бы, насмехаясь, доказывать необходимость диковинного утверждения, будто единое есть многое и беспредельное, а многое есть одно-единственное.

Протарх. Но что иное, Сократ, имеешь ты в виду относительно этого рассуждения, что не стало еще ходячей истиной?

Сократ. Друг мой, я имею в виду не тот случай, когда кто-либо полагает единство возникающего и гибнущего, как мы только что

συγκεχώρηται τὸ μὴ δεῖν ἐλέγχειν· ὅταν δέ τις ἕνα ἄνθρωπον ἐπιχειρῇ τίθεσθαι καὶ βουῖν ἕνα καὶ τὸ καλὸν ἐν καὶ τὸ ἀγαθὸν ἕν, περὶ τούτων τῶν ἐνάδων καὶ τῶν τοιούτων ἢ πολλῇ σπουδῇ μετὰ διαιρέσεως ἀμφισβήτησις γίγνεται.

ΠΡΩ. Πῶς;

- b** ΣΩ. Πρῶτον μὲν εἴ τινας δεῖ τοιαύτας εἶναι μονάδας ὑπολαμβάνειν ἀληθῶς οὐσας· εἶτα πῶς αὐτὰς, μίαν ἐκάστην οὐσαν ἀεὶ τὴν αὐτὴν καὶ μήτε γένεσιν μήτε ὄλεθρον προσδεχομένην, ὅμως εἶναι βεβαιότατα μίαν ταύτην; μετὰ δὲ τοῦτ' ἐν τοῖς γιγνομένοις αὐτῇ καὶ ἀπέροις εἴτε διεσπασμένην καὶ πολλὰ γεγонуῖαν θετέον, εἴθ' ὅλην αὐτὴν αὐτῆς χωρὶς, ὃ δὴ πάντων ἀδυνατώτατον φαίνοιτ' ἄν, ταῦτόν καὶ ἐν ἅμα ἐν ἐνί τε καὶ πολλοῖς γίγνεσθαι. ταῦτ' ἔστι τὰ περὶ τὰ τοιαῦτα ἐν καὶ πολλά, ἀλλ' οὐκ ἐκεῖνα, ὧς Πρώταρχε, ἀπάσης ἀπορίας αἴτια μὴ καλῶς ὁμολογηθέντα καὶ εὐπορίας [ἄν] αὐτῶν.

ΠΡΩ. Οὐκοῦν χρὴ τοῦθ' ἡμᾶς, ὧς Σώκρατες, ἐν τῷ νῦν πρῶτον διαπονήσασθαι;

ΣΩ. Ὡς γοῦν ἐγὼ φαίην ἄν.

ΠΡΩ. Καὶ πάντας τοίνυν ἡμᾶς ὑπόλαβε συγχωρεῖν σοὶ τούσδε τὰ τοιαῦτα· Φίληβον δ' ἴσως κράτιστον ἐν τῷ νῦν ἐπερωτῶντα μὴ κινεῖν εὐ κείμενον.

- d** ΣΩ. Εἶεν· πόθεν οὖν τις ταύτης ἄρξεται πολλῆς οὔσης καὶ παντοίας περὶ τὰ ἀμφισβητούμενα μάχης; ἄρ' ἐνθένδε;

ΠΡΩ. Πόθεν;

ΣΩ. Φαμέν που ταῦτόν ἐν καὶ πολλά ὑπὸ λόγων γιγνόμενα περιτρέχειν πάντη καθ' ἕκαστον τῶν λεγομένων ἀεὶ, καὶ πάλαι καὶ νῦν. καὶ τοῦτο οὔτε μὴ παύσηται ποτε οὔτε ἤρξατο νῦν, ἀλλ' ἔστι τὸ τοιοῦτον, ὡς ἐμοὶ φαίνεται, τῶν

говорили. Ведь такого рода единство, как мы сказали, не нуждается, по общему признанию, в опровержении; но если кто-нибудь пытается допустить единого человека, единого быка, единое прекрасное и единое благо, то по поводу разделения таких и им подобных единств возникают большие споры и сомнения.

Протарх. Как так?

Сократ. Во-первых, нужно ли вообще допускать, что подобные единства действительно существуют? Затем, каким образом они – в то время как каждое из них пребывает вечно тождественным, прочным, непричастным ни возникновению, ни гибели – все-таки пребывают в единстве. Ведь это единство следует признать либо рассеянным в возникающих и бесконечно разнообразных вещах и превратившимся во множество, либо всецело отделенным от самого себя, – каким образом (ведь это невероятно!) единства эти остаются едиными и тождественными одновременно в одном и во многом? Вот какого рода единства и множества, Протарх, а не те, о которых говорилось ранее, суть причины всяких недоумений, если относительно них хорошенько не столкнуться; если же достигнуть здесь полной ясности, то, напротив, все недоумения рассеются.

Протарх. Не над этим ли, Сократ, нужно нам теперь прежде всего потрудиться?

Сократ. Я по крайней мере так полагал бы.

Протарх. Будь уверен, что и все мы, конечно, согласны в этом с тобой. Филеба же, пожалуй, лучше не беспокоить теперь вопросами, чтобы не тревожить того, что хорошо лежит.

Сократ. Итак, с чего же начать длинный и сложный бой по поводу спорных вопросов? Может быть, с этого...

Протарх. А именно?

Сократ. Мы утверждаем, что тождество единства и множества, обусловленное речью, есть всюду, во всяком высказывании; было оно прежде, есть и теперь. Это не прекратится никогда и не теперь началось, но есть, как мне кажется, вечное и нестаряющееся свойство нашей речи.

λόγων αὐτῶν ἀθάνατόν τι καὶ ἀγήρων πάθος ἐν ἡμῖν· ὁ δὲ
πρῶτον αὐτοῦ γευσάμενος ἐκάστοτε τῶν νέων, ἦσθεις ὡς
e τινὰ σοφίας ἠύρηκώς θησαυρόν, ὑφ' ἡδονῆς ἐνθουσιᾶ τε καὶ
πάντα κινεῖ λόγον ἄσμενος, τοτὲ μὲν ἐπὶ θάτερα κυκλῶν καὶ
συμφύρων εἰς ἓν, τοτὲ δὲ πάλιν ἀνειλίπτων καὶ διαμερίζων,
εἰς ἀπορίαν αὐτὸν μὲν πρῶτον καὶ μάλιστα καταβάλλων,
δεύτερον δ' αἰεὶ τὸν ἐχόμενον, ἄντε νεώτερος ἄντε πρεσβύτερος
ἄντε ἡλιξ ὢν τυγχάνη, φειδόμενος οὔτε πατρὸς οὔτε μητρὸς
16a οὔτε ἄλλου τῶν ἀκούοντων οὐδενός, ὀλίγου δὲ καὶ τῶν ἄλλων
ζώων, οὐ μόνον τῶν ἀνθρώπων, ἐπεὶ βαρβάρων γε οὐδενός
ἂν φείσαιο, εἶπερ μόνον ἐρμηνέα ποθὲν ἔχοι.

ΠΡΩ. Ἄρ', ὦ Σώκρατες, οὐχ ὀραῖς ἡμῶν τὸ πλῆθος, ὅτι
νέοι πάντες ἐσμέν, καὶ οὐ φοβῆ μὴ σοι μετὰ Φιλήβου
συνεπιθώμεθα, ἐὰν ἡμᾶς λοιδορῆς; ὅμως δὲ μανθάνομεν γὰρ
ὃ λέγεις, εἴ τις τρόπος ἔστι καὶ μηχανὴ τὴν μὲν τοιαύτην
ταραχὴν ἡμῖν ἔξω τοῦ λόγου εὐμενῶς πως ἀπελθεῖν, ὁδὸν δὲ
b τινὰ καλλίω ταύτης ἐπὶ τὸν λόγον ἀνευρεῖν, σύ τε προθυμοῦ
τοῦτο καὶ ἡμεῖς συνακολουθήσομεν εἰς δύναμιν· οὐ γὰρ
σμικρὸς ὁ παρῶν λόγος, ὦ Σώκρατες.

ΣΩ. Οὐ γὰρ οὖν, ὦ παῖδες, ὡς φησιν ὑμᾶς προσαγο-
ρεύων Φίληβος. οὐ μὴν ἔστι καλλίων ὁδὸς οὐδ' ἂν γένοιτο
ἧς ἐγὼ ἐραστής μὲν εἰμι αἰεὶ, πολλάκις δὲ με ἤδη διαφυ-
γοῦσα ἔρημον καὶ ἀπορον κατέστησεν.

ΠΡΩ. Τίς αὕτη; λεγέσθω μόνον.

ΣΩ. Ἦν δηλῶσαι μὲν οὐ πάνυ χαλεπόν, χρῆσθαι δὲ
c παγχάλεπον· πάντα γὰρ ὅσα τέχνης ἐχόμενα ἀνηυρέθη
πώποτε διὰ ταύτης φανερὰ γέγονε. σκόπει δὲ ἦν λέγω.

ΠΡΩ. Λέγε μόνον.

ΣΩ. Θεῶν μὲν εἰς ἀνθρώπους δόσις, ὡς γε καταφαίνεται
ἐμοί, ποθὲν ἐκ θεῶν ἐρρίφη διὰ τινος Προμηθεώς ἅμα
φανοτάτῳ τινὶ πυρί· καὶ οἱ μὲν παλαιοί, κρείττονες ἡμῶν
καὶ ἐγγυτέρω θεῶν οἰκοῦντες, ταύτην φήμην παρέδοσαν,

Юноша, впервые вкусивший его, наслаждается им, как если бы нашел
некое сокровище мудрости; от наслаждения он приходит в восторг и
радуется тому, что может изменять речь на все лады, то закручивая ее в
одну сторону и сливая все воедино, то снова развертывая и расчлняя на
части. Тут прежде и больше всего недоумевает он сам, а затем повергает
в недоумение и всякого встречного, все равно, попадет ли ему под руку
более юный летами, или постарше, или ровесник; он не щадит ни отца,
ни матери и вообще никого из слушателей, и не только людей, но и
животных; даже из варваров он не дал бы никому пощады, лишь бы
нашелся толмач.

Протарх. Разве ты не видишь, Сократ, что нас тут целая толпа и
все мы юны? Разве ты не боишься, что мы вместе с Филебом нападём на
тебя, если ты будешь бранить нас? Впрочем, мы понимаем, что ты
имеешь в виду; поэтому если есть какой-нибудь способ и средство
мирно устранить из нашей беседы такую распрю и найти для нее иной,
лучший путь, то об этом ты порадей. Мы же последуем за тобою по
мере сил: немаловажное ведь, Сократ, предстоит рассуждение!

Сократ. Конечно, немаловажное, дети мои, – как обращается к вам
Филеб. Нет и не может быть лучше пути, чем мой излюбленный путь,
хоть он нередко уже ускользал от меня и оставлял в недоумении.

Протарх. Какой это путь? Пожалуйста, скажи!

Сократ. Указать его не очень трудно, но следовать им чрезвычайно
тяжело. Между тем все, что когда-либо было открыто в искусстве,
появилось на свет только этим путем. Смотри же, о чем я говорю!

Протарх. Так говори.

Сократ. Божественный дар, как кажется мне, был брошен людям
богами с помощью некоего Прометен вместе с ярчайшим огнем;
древние, бывшие лучше нас и обитавшие ближе к богам, передали нам
сказание, гласившее, что все, о чем говорится как о вечно существе, состоит

ὡς ἐξ ἑνὸς μὲν καὶ πολλῶν ὄντων τῶν ἀεὶ λεγομένων εἶναι,
πέρας δὲ καὶ ἀπειρίαν ἐν αὐτοῖς σύμφυτον ἐχόντων. δεῖν
d οὖν ἡμᾶς τούτων οὕτω διακεκοσμημένων ἀεὶ μίαν ἰδέαν περὶ
παντὸς ἐκάστοτε θεμένους ζητεῖν — εὐρήσειν γὰρ ἐνοῦσαν —
ἐὰν οὖν μεταλάβωμεν, μετὰ μίαν δύο, εἴ πως εἰσὶ, σκοπεῖν,
εἰ δὲ μή, τρεῖς ἢ τινα ἄλλον ἀριθμόν, καὶ τῶν ἐν ἐκείνων
ἕκαστον πάλιν ὡσαύτως, μέχρι περ ἂν τὸ κατ' ἀρχὰς ἐν μὴ
ὄτι ἐν καὶ πολλὰ καὶ ἀπειρά ἐστὶ μόνον ἴδη τις, ἀλλὰ καὶ
e ὅποσα· τὴν δὲ τοῦ ἀπείρου ἰδέαν πρὸς τὸ πλήθος μὴ προσ-
φέρειν πρὶν ἂν τις τὸν ἀριθμὸν αὐτοῦ πάντα κατίδη τὸν
μεταξὺ τοῦ ἀπείρου τε καὶ τοῦ ἑνός, τότε δ' ἤδη τὸ ἐν
ἕκαστον τῶν πάντων εἰς τὸ ἀπειρον μεθέντα χαίρειν ἔαν.
οἱ μὲν οὖν θεοί, ὅπερ εἶπον, οὕτως ἡμῖν παρέδοσαν σκοπεῖν
17a καὶ μανθάνειν καὶ διδάσκειν ἀλλήλους· οἱ δὲ νῦν τῶν ἀν-
θρώπων σοφοὶ ἐν μὲν, ὅπως ἂν τύχωσι, καὶ πολλὰ θάπτον
καὶ βραδύτερον ποιοῦσι τοῦ δέοντος, μετὰ δὲ τὸ ἐν ἀπειρα
εὐθύς, τὰ δὲ μέσα αὐτοὺς ἐκφεύγει — οἷς διακεχώρισται τό τε
διαλεκτικῶς πάλιν καὶ τὸ ἐριστικῶς ἡμᾶς ποιεῖσθαι πρὸς
ἀλλήλους τοὺς λόγους.

ΠΡΩ. Τὰ μὲν πως, ὦ Σώκρατες, δοκῶ σου μανθάνειν,
τὰ δὲ ἔτι σαφέστερον δέομαι ἅ λέγεις ἀκοῦσαι.

ΣΩ. Σαφὲς μὴν, ὦ Πρώταρχε, ἐστὶν ἐν τοῖς γραμ-
μασιν ὃ λέγω, καὶ λάμβαν' αὐτὸ ἐν τούτοις οἷσπερ καὶ
b πεπαίδευσαι.

ΠΡΩ. Πῶς;

ΣΩ. Φωνὴ μὲν ἡμῖν ἐστὶ πού μία διὰ τοῦ στόματος
ιοῦσα, καὶ ἀπειρος αὐτὴ πλήθει, πάντων τε καὶ ἐκάστου.

ΠΡΩ. Τί μὴν;

ΣΩ. Καὶ οὐδὲν ἕτερον γε τούτων ἐσμέν πω σοφοί, οὔτε
ὄτι τὸ ἀπειρον αὐτῆς ἴσμεν οὔθ' ὄτι τὸ ἐν· ἀλλ' ὄτι πόσα
τ' ἐστὶ καὶ ὅποια, τοῦτό ἐστὶ τὸ γραμματικὸν ἕκαστον
ποιοῦν ἡμῶν.

из единства и множества и включает в себе сросшиеся воедино предел и беспредельность. Если все это так устроено, то мы всякий раз должны вести исследование, полагая одну идею для всего, и эту идею мы там найдем. Когда же мы ее схватим, нужно смотреть, нет ли кроме одной еще двух, а может быть, трех идей или какого-то иного их числа, и затем с каждым из этих единств поступать таким же образом до тех пор, пока первоначальное единство не предстанет взору не просто как единое, многое и беспредельное, но как количественно определенное. Идею же беспредельного можно прилагать ко множеству лишь после того, как будет охвачено взором все его число, заключенное между беспредельным и одним; только тогда каждому единству из всего [ряда] можно дозволить войти в беспредельное и раствориться в нем. Так вот каким образом боги, сказал я, завещали нам исследовать все вещи, изучать их и поучать друг друга; но теперешние мудрецы устанавливают единство как придется – то раньше, то позже, чем следует, и сразу после единства помещают беспредельное; промежуточное же от них ускользает. Вот какое существует у нас различие между диалектическим и эристическими способами рассуждений.

Протарх. Одну часть твоих слов, Сократ, я, кажется, понимаю, а относительно другой мне следует выслушать еще пояснения.

Сократ. Мои слова, Протарх, ясны на примере букв; поэтому ты и уразумей их на буквах, которым обучался в детстве.

Протарх. Каким образом?

Сократ. Звук, исходящий из наших уст, один, и в то же время он беспределен по числу у всех и у каждого.

Протарх. Так что же?

Сократ. Однако ни то ни другое еще не делает нас мудрыми: ни то, что мы знаем беспредельность звука, ни то, что мы знаем его единство; лишь знание количества звуков и их качества делает каждого из нас грамотным.

ΠΡΩ. Αληθέστατα.

ΣΩ. Καὶ μὴν καὶ τὸ μουσικὸν ὁ τυγχάνει ποιοῦν, τοῦτ' ἔστι ταῦτόν.

ΠΡΩ. Πῶς;

c ΣΩ. Φωνὴ μὲν που καὶ τὸ κατ' ἐκείνην τὴν τέχνην ἔστι μία ἐν αὐτῇ.

ΠΡΩ. Πῶς δ' οὐ;

ΣΩ. Δύο δὲ θῶμεν βαρὺ καὶ ὀξύ, καὶ τρίτον ὁμότονον.

ἢ πῶς;

ΠΡΩ. Οὕτως.

ΣΩ. Ἀλλ' οὐπω σοφὸς ἂν εἴης τὴν μουσικὴν εἰδῶς ταῦτα μόνα, μὴ δὲ εἰδῶς ὡς γ' ἔπος εἰπεῖν εἰς ταῦτα οὐδενὸς ἄξιος ἔση.

ΠΡΩ. Οὐ γὰρ οὖν.

d ΣΩ. Ἀλλ', ὦ φίλε, ἐπειδὴν λάβης τὰ διαστήματα ὅποσα ἔστι τὸν ἀριθμὸν τῆς φωνῆς ὀξύτητός τε πέρι καὶ βαρύτητος, καὶ ὅποια, καὶ τοὺς ὄρους τῶν διαστημάτων, καὶ τὰ ἐκ τούτων ὅσα συστήματα γέγονεν—ἃ κατιδόντες οἱ πρόσθεν παρέδοσαν ἡμῖν τοῖς ἐπομένοις ἐκείνοις καλεῖν αὐτὰ ἀρμονίας, ἐν τε ταῖς κινήσεσιν αὐ τοῦ σώματος ἕτερα τοιαῦτα ἐνόητα πάθη γιγνώμενα, ἃ δὴ δι' ἀριθμῶν μετρηθέντα δεῖν αὐ φασὶ
e ρυθμοὺς καὶ μέτρα ἐπονομάζειν, καὶ ἅμα ἐννοεῖν ὡς οὕτω δεῖ περὶ παντὸς ἑνὸς καὶ πολλῶν σκοπεῖν—ὅταν γὰρ αὐτὰ τε λάβης οὕτω, τότε ἐγένου σοφός, ὅταν τε ἄλλο τῶν ἐν ὀτιοῦν ταύτῃ σκοπούμενος ἔλης, οὕτως ἔμφρων περὶ τοῦτο γέγονας· τὸ δ' ἀπειρόν σε ἐκάστων καὶ ἐν ἐκάστοις πλήθος ἀπειρον ἐκάστοτε ποιεῖ τοῦ φρονεῖν καὶ οὐκ ἐλλόγιμον οὐδ' ἐνάριθμον, ἅτ' οὐκ εἰς ἀριθμὸν οὐδένα ἐν οὐδενὶ πώποτε ἀπιδόντα.

ΠΡΩ. Κάλλιστα, ὦ Φίληβε, ἔμοιγε τὰ νῦν λεγόμενα εἰρηκέναι φαίνεται Σωκράτης.

Протарх. Совершенно верно.

Сократ. Но то же самое делает человека сведущим в музыке.

Протарх. Каким образом?

Сократ. Согласно этому искусству, звучание в нем также одно.

Протарх. Как же иначе?

Сократ. Однако же мы признаем два звучания – низкое и высокое и третье – среднее. Не правда ли?

Протарх. Да.

Сократ. Но, зная только это, ты не станешь еще сведущим в музыке; не зная же и этого, ты, так сказать, ничего не будешь в ней смыслить.

Протарх. Разумеется, ничего.

Сократ. Но, друг мой, после того как ты узнаешь, сколько бывает интервалов между высокими и низкими тонами, каковы эти интервалы и где их границы, сколько они образуют систем (предшественники наши, открывшие эти системы, завещали нам, своим потомкам, называть их гармониями и прилагать имена ритма и меры к другим подобным состояниям, присущим движениям тела, если измерять их числами; они повелели нам, далее, рассматривать таким же образом всякое вообще единство и множество), – после того как ты узнаешь все это, ты станешь мудрым, а когда постигнешь всякое другое единство, рассматривая его таким же способом, то сделаешься сведущим и относительно него. Напротив, беспредельное множество отдельных вещей и [свойств], содержащихся в них, неизбежно делает также беспредельной и бессмысленной твою мысль, лишает ее числа, вследствие чего ты никогда ни в чем не обращаешь внимания ни на какое число.

Протарх. Мне кажется, Филеб, что Сократ выразил только что сказанное как нельзя лучше.

23c – 26d

- 23c** ΣΩ. Πάντα τὰ νῦν ὄντα ἐν τῷ παντὶ διχῆ διαλάβωμεν, μᾶλλον δ', εἰ βούλει, τριχῆ.
ΠΡΩ. Καθ' ὅτι, φράζοις ἄν;
ΣΩ. Λάβωμεν ἅττα τῶν νυνδὴ λόγων.
ΠΡΩ. Ποῖα;
ΣΩ. Τὸν θεὸν ἐλέγομέν που τὸ μὲν ἄπειρον δεῖξαι τῶν ὄντων, τὸ δὲ πέρας;
ΠΡΩ. Πάνυ μὲν οὖν.
ΣΩ. Τούτω δὴ τῶν εἰδῶν τὰ δύο τιθώμεθα, τὸ δὲ τρίτον
- d** ἐξ ἀμφοῖν τούτων ἓν τι συμμισγόμενον. εἰμί δ', ὡς ἔοικεν, ἐγὼ γελοῖός τις ἄνθρωπος κατ' εἶδη διυστὰς καὶ συναριθμούμενος.
ΠΡΩ. Τί φῆς, ὠγαθέ;
ΣΩ. Τετάρτου μοι γένους αὐ προσδεῖν φαίνεται.
ΠΡΩ. Λέγε τίνας.
ΣΩ. Τῆς συμμείξεως τούτων πρὸς ἄλληλα τὴν αἰτίαν ὄρα, καὶ τίθει μοι πρὸς τρισὶν ἐκείνοις τέταρτον τοῦτο.
ΠΡΩ. Μῶν οὖν σοι καὶ πέμπτου προσδεῖσει διάκρισίν τινος δυναμένου;
ΣΩ. Τάχ' ἄν· οὐ μὴν οἶμαί γε ἐν τῷ νῦν· ἂν δέ τι δέη,
- e** συγγνώση πού μοι σὺ μεταδιώκοντι πέμπτου [βίον].
ΠΡΩ. Τί μὴν;
ΣΩ. Πρῶτον μὲν δὴ τῶν τετάρτων τὰ τρία διελόμενοι, τὰ δύο τούτων πειρώμεθα, πολλὰ ἐκάτερον ἐσχισμένον καὶ διεσπασμένον ἰδόντες, εἰς ἓν πάλιν ἐκάτερον συναγαγόντες, νοῆσαι πῆ ποτε ἦν αὐτῶν ἓν καὶ πολλὰ ἐκάτερον.
ΠΡΩ. Εἴ μοι σαφέστερον ἔτι περὶ αὐτῶν εἴποις, τάχ' ἂν ἐποίμην.
ΣΩ. Λέγω τοίνυν τὰ δύο ἃ προτίθεμαι ταῦτ' εἶναι ἄπερ

- С. Все ныне сущее во Вселенной разделим надвое или лучше, если хочешь, натрое.
П. Объясни, на каком основании?
С. Хорошо. Возьмем некоторые из наших положений.
П. Какие?
С. Выше мы сказали, что бог указывает то на беспредельность существующего, то на предел.
П. Совершенно верно.
С. Итак, допустим, эти два рода, третий же составит из смешения их воедино. Ну, не смешной ли я человек – со всеми этими подразделениями на роды и подсчеты?
П. Что ты хочешь сказать, любезнейший?
С. А то, что, как мне кажется, нужно прибавить еще и четвертый род.
П. Скажи какой.
С. Обрати внимание на причину смешения трех родов и считай ее четвертым родом.
П. Не понадобится ли тебе еще и пятый род, способный производить различение?
С. Быть может; но теперь по крайней мере я об этом не думаю. Если же будет нужно, то, я надеюсь, ты позволишь мне искать и пятый.
П. Почему же не позволить?
С. Сначала мы отделим от четырех три рода. Затем два из них – принимая во внимание, что каждый рассечен и разорван на множество частей, – вновь сведем к единству и попытаемся понять, каким образом оба они – и единство, и множество.
П. Если бы ты выразился яснее, я, может быть, и мог бы следовать за тобой.
С. Прежде всего допущенные мною два рода тождественны с теми, которые были обозначены только что – один как беспредельное, другой

24a νυνδῆ, τὸ μὲν ἄπειρον, τὸ δὲ πέρασ ἔχον· ὅτι δὲ τρόπον
τινὰ τὸ ἄπειρον πόλλ' ἐστὶ, πειράσομαι φράζειν. τὸ δὲ πέρασ
ἔχον ἡμᾶς περιμενέτω.

ΠΡΩ. Μένει.

ΣΩ. Σκέψαι δὴ. χαλεπὸν μὲν γὰρ καὶ ἀμφισβητήσιμον
ὁ κελεύω σε σκοπεῖν, ὅμως δὲ σκόπει. θερμότερου καὶ
ψυχροτέρου πέρι πρῶτον ὄρα πέρασ εἴ ποτέ τι νοήσαις ἄν, ἢ
τὸ μᾶλλον τε καὶ ἦττον ἐν αὐτοῖς οἰκοῦν<τε> τοῖς γένεσιν,
ἕωσπερ ἄν ἐνοικῆτον, τέλος οὐκ ἄν ἐπιτρεψαίτην γίγνεσθαι·
b γενομένης γὰρ τελευτῆς καὶ αὐτῶ τετελευτήκατον.

ΠΡΩ. Ἀληθέστατα λέγεις.

ΣΩ. Αἰεὶ δέ γε, φαμέν, ἐν τε τῷ θερμότερῳ καὶ ψυχροτέρῳ
τὸ μᾶλλον τε καὶ ἦττον ἐνι.

ΠΡΩ. Καὶ μάλα.

ΣΩ. Αἰεὶ τοίνυν ὁ λόγος ἡμῖν σημαίνει τούτῳ μὴ τέλος
ἔχειν· ἀτελεῆ δ' ὄντε δήπου παντάπασιν ἀπείρῳ γίγνεσθον.

ΠΡΩ. Καὶ σφόδρα γε, ὦ Σώκρατες.

ΣΩ. Ἄλλ' εὖ γε, ὦ φίλε Πρώταρχε, ὑπέλαβες καὶ
c ἀνέμνησας ὅτι καὶ τὸ σφόδρα τοῦτο, ὃ σὺ νῦν ἐφθέγγξω,
καὶ τό γε ἡρέμα τὴν αὐτὴν δύναμιν ἔχετον τῷ μᾶλλον τε καὶ
ἦττον· ὅπου γὰρ ἄν ἐνήτον, οὐκ ἔατον εἶναι ποσὸν ἕκαστον,
ἀλλ' αἰεὶ σφοδρότερον ἤσυχαιτέρου καὶ τούναντίον ἐκάσταις
πράξεσιν ἐμποιοῦντε τὸ πλεόν καὶ τὸ ἔλαττον ἀπεργάζεσθον,
τὸ δὲ ποσὸν ἀφανίζετον. ὃ γὰρ ἐλέχθη νυνδῆ, μὴ ἀφανί-
σαντε τὸ ποσόν, ἀλλ' ἔασαντε αὐτό τε καὶ τὸ μέτριον ἐν τῇ
τοῦ μᾶλλον καὶ ἦττον καὶ σφόδρα καὶ ἡρέμα ἔδρα ἐγγενέσθαι,
d αὐτὰ ἔρρει ταῦτα ἐκ τῆς αὐτῶν χώρας ἐν ἢ ἐνήν. οὐ γὰρ
ἔτι θερμότερον οὐδὲ ψυχρότερον εἴτην ἄν λαβόντε τὸ ποσόν·
προχωρεῖ γὰρ καὶ οὐ μένει τό τε θερμότερον αἰεὶ καὶ τὸ
ψυχρότερον ὡσαύτως, τὸ δὲ ποσὸν ἔσθη καὶ προῖδον ἐπαύσατο.

как имеющий предел. Я попытаюсь разъяснить, каким образом
беспределное есть в некотором смысле множество, с пределом же мы
подождем.

Протарх. Давай подождем.

Сократ. Итак, следи за мной. Хотя то, что я предлагаю тебе
разобрать, трудно и спорно, все же ты это разбери. Сначала посмотри,
можешь ли ты мыслить какой-либо предел относительно более теплого
и более холодного, или же обитающие в этих родах увеличение и
уменьшение не позволяют дойти до конца, пока они в них обитают. В
самом деле, если бы было найдено окончание, то более теплое и более
холодное также пришли бы к концу.

Протарх. Истинная правда.

Сократ. Итак, мы утверждаем, что в более теплом и в более холодном
всегда содержится "более" или "менее".

Протарх. Несомненно.

Сократ. Наша речь всегда обнаруживает, следовательно, что более
теплое и более холодное не имеют конца; а если они лишены конца, то,
несомненно, они беспредельны.

Протарх. В самой сильной степени, Сократ.

Сократ. Ты прекрасно схватил мою мысль, любезный Протарх, и
напомнил, что и это "сильно", которое ты сейчас произнес, а равным
образом "слабо" должны иметь то же значение, что "больше" и "меньше".
Ведь, в чем бы они ни содержались, они не допускают определенного
количества, но, всегда внося во все действия "более сильное", чем
"слабое", и наоборот, они устанавливают "больше" и "меньше" и
уничтожают "сколько". Ибо если бы они, как только что было сказано, не
уничтожали количества, но допускали, чтобы оно и все, имеющее
определенную меру, водворялось на место большего и меньшего,
сильного и слабого, то они сами утрачивали бы занимаемые ими места.
В самом деле, ни более теплое, ни более холодное, принявши
определенное количество, не были бы больше таковыми, так как они
непрестанно движутся вперед и не остаются на месте, определенное же

κατὰ δὴ τοῦτον τὸν λόγον ἄπειρον γίγνοιτ' ἂν τὸ θερμότερον καὶ τοῦναντίον ἄμα.

e ΠΡΩ. Φαίνεται γοῦν, ὦ Σώκρατες· ἔστι δ', ὅπερ εἶπες, οὐ ῥάδια ταῦτα συνέπεσθαι. τὸ δὲ εἰς αὐθις τε καὶ αὐθις ἴσως λεχθέντα τὸν τε ἐρωτῶντα καὶ τὸν ἐρωτώμενον ἰκανῶς ἂν συμφωνοῦντας ἀποφύναεν.

ΣΩ. Ἄλλ' εὖ μὲν λέγεις καὶ πειρατέον οὕτω ποιεῖν. νῦν μέντοι ἄθρει τῆς τοῦ ἀπείρου φύσεως εἰ τοῦτο δεξόμεθα σημεῖον, ἵνα μὴ πάντ' ἐπεξιόντες μηκύνωμεν.

ΠΡΩ. Τὸ ποῖον δὴ λέγεις;

25a ΣΩ. Ὅπόσ' ἂν ἡμῖν φαίνεται μᾶλλον τε καὶ ἥττον γιγνώμενα καὶ τὸ σφόδρα καὶ ἡρέμα δεχόμενα καὶ τὸ λίαν καὶ ὅσα τοιαῦτα πάντα, εἰς τὸ τοῦ ἀπείρου γένος ὡς εἰς ἓν δεῖ πάντα ταῦτα τιθέναί, κατὰ τὸν ἔμπροσθεν λόγον ὃν ἔφαμεν ὅσα διέσπασται καὶ διέσχισται συναγαγόντας χρῆναι κατὰ δύναμιν μίαν ἐπισημαίνεσθαι τίνα φύσιν, εἰ μέμνησαι.

ΠΡΩ. Μέμνημαι.

ΣΩ. Οὐκοῦν τὰ μὴ δεχόμενα ταῦτα, τούτων δὲ τὰ ἐναντία πάντα δεχόμενα, πρῶτον μὲν τὸ ἴσον καὶ ἰσότητα, μετὰ δὲ τὸ ἴσον τὸ διπλάσιον καὶ πᾶν ὅτιπερ ἂν πρὸς ἀριθμὸν ἀριθμὸς ἢ μέτρον ἢ πρὸς μέτρον, ταῦτα σύμπαντα εἰς τὸ πέρας ἀπολογιζόμενοι καλῶς ἂν δοκοῖμεν δοῦν τοῦτο. ἢ πῶς σὺ φῆς;

b ΠΡΩ. Κάλλιστά γε, ὦ Σώκρατες.

ΣΩ. Εἶεν· τὸ δὲ τρίτον τὸ μεικτὸν ἐκ τούτοις ἀμφοῖν τίνα ἰδέαν φήσομεν ἔχειν;

ΠΡΩ. Σὺ καὶ ἐμοὶ φράσεις, ὡς οἶμαι.

ΣΩ. Θεὸς μὲν οὖν, ἄνπερ γε ἐμαῖς εὐχαῖς ἐπήκοος γίγνηται τις θεῶν.

ΠΡΩ. Εὐχου δὴ καὶ σκόπει.

ΣΩ. Σκοπῶ· καί μοι δοκεῖ τις, ὦ Πρώταρχε, αὐτῶν φίλος

количество пребывает в покое и не движется дальше. На этом основании и более теплое и его противоположность должны быть беспредельными.

Протарх. По-видимому, это так, Сократ. Но нелегко следить за тем, что ты сказал. Вот если еще и еще раз повторить это, может быть, окажется, что и спрашивающий, и вопрошаемый придут к полному согласию друг с другом.

Сократ. Ты прав; нужно постараться так сделать. Но вот посмотри-ка, не взять ли нам такой признак природы беспредельного, не то, тщательно разбирая все, мы окажемся многословными...

Протарх. О каком признаке говоришь ты?

Сократ. Все, что представляется нам становящимся больше и меньше и принимающим "сильно", "слабо" и "слишком", а также все подобное этому, согласно предшествующему нашему рассуждению, нужно отнести к роду беспредельного как к некоему единству; ведь, если ты припоминаешь, мы сказали, что, сводя вместе все расчленяемое и рассекаемое, мы должны по возможности обозначать его как некую единую природу.

Протарх. Припоминаю.

Сократ. А то, что не допускает этого, но принимает противоположные свойства, – прежде всего равное и равенство, а вслед за равным – двойное и все, что служит числом для числа или мерой для меры, – мы относим к пределу; кажется, поступая так, мы поступаем правильно. Как ты думаешь?

Протарх. Вполне правильно.

Сократ. Хорошо! Какую же идею заключает в себе третий вид, смешанный из этих двух?

Протарх. Я полагаю, ты скажешь мне это.

Сократ. Скажет бог, если кто-нибудь из богов внимлет моим мольбам.

Протарх. В таком случае молись и исследуй!

Сократ. Исследую, и мне кажется, Протарх, один из богов стал

ἡμῖν νυνδὴ γεγονέναι.

- c ΠΡΩ. Πῶς λέγεις τοῦτο καὶ τίνι τεκμηρίῳ χρῆ;
ΣΩ. Φράσω δῆλον ὅτι σὺ δέ μοι συνακολουθήσον τῷ λόγῳ.

ΠΡΩ. Λέγε μόνον.

ΣΩ. Θερμότερον ἐφθεγγόμεθα νυνδὴ πού τι καὶ ψυχρότερον. ἢ γάρ;

ΠΡΩ. Ναί.

ΣΩ. Πρόσθετες δὴ ξηρότερον καὶ ὑγρότερον αὐτοῖς καὶ πλέον καὶ ἔλαττον καὶ θᾶπτον καὶ βραδύτερον καὶ μειζον καὶ σμικρότερον καὶ ὅποσα ἐν τῷ πρόσθεν τῆς τὸ μᾶλλον τε καὶ ἥττον δεχομένης ἐτίθεμεν εἰς ἓν φύσεως.

- d ΠΡΩ. Τῆς τοῦ ἀπείρου λέγεις;
ΣΩ. Ναί. συμμείγνυ δέ γε εἰς αὐτὴν τὸ μετὰ ταῦτα τὴν αὐτὸν πέρατος γένναν.

ΠΡΩ. Ποίαν;

ΣΩ. Ἦν καὶ νυνδὴ, δέον ἡμᾶς καθάπερ τὴν τοῦ ἀπείρου συνηγάγομεν εἰς ἓν, οὕτω καὶ τὴν τοῦ περατοειδοῦς συναγαγεῖν, οὐ συνηγάγομεν. ἀλλ' ἴσως καὶ νῦν ταῦτὸν δράσει, <εἰ> τούτων ἀμφοτέρων συναγομένων καταφανῆς κακείνη γενήσεται.

ΠΡΩ. Ποίαν καὶ πῶς λέγεις;

- e ΣΩ. Τὴν τοῦ ἴσου καὶ διπλασίου, καὶ ὁπόση παύει πρὸς ἄλληλα τὰναντία διαφόρως ἔχοντα, σύμμετρα δὲ καὶ σύμφωνα ἐνθεῖσα ἀριθμὸν ἀπεργάζεται.

ΠΡΩ. Μανθάνω· φαίνη γάρ μοι λέγειν μειγνύς ταῦτα γενέσεις τινὰς ἐφ' ἐκάστων αὐτῶν συμβαίνειν.

ΣΩ. Ὅρθῶς γὰρ φαίνομαι.

ΠΡΩ. Λέγε τοίνυν.

ΣΩ. Ἄρα οὐκ ἐν μὲν νόσοις ἢ τούτων ὀρθὴ κοινωνία τὴν ὑγιείας φύσιν ἐγέννησεν;

- 26a ΠΡΩ. Παντάπασι μὲν οὖν.

теперь благосклоннее к нам.

Протарх. Что ты сумеешь? Где у тебя доказательство этого?

Сократ. Сейчас разьясню. Ты же следи за моим рассуждением.

Протарх. Говори, пожалуйста.

Сократ. Мы только что произнесли слова: "более теплое" и "более холодное". Не так ли?

Протарх. Да.

Сократ. Прибавь к ним "более сухое" и "более влажное", "более многочисленное" и "менее многочисленное", "более быстрое" и "более медленное", "большее по размерам" и "меньшее" и все то, что мы раньше приводили к единству природы, приемлющей "больше" и "меньше".

Протарх. Ты говоришь о природе беспредельного?

Сократ. Да. Но смешай-ка после этого с ней разновидность предела.

Протарх. Какую разновидность?

Сократ. Ту, что мы только что не сумели свести к единству в соответствии с природой предела, как мы сделали это по отношению к разновидности беспредельного. Но не произойдет ли с ней теперь того же самого? Если мы сведем воедино обе эти [разновидности], то обнаружится и она.

Протарх. Что ты имеешь в виду?

Сократ. Я говорю о разновидностях: "равное", "двойное" и прочих, которые устраняют различие противоположностей и, вложив в них согласие и соразмерность, порождают число.

Протарх. Понимаю. Ты, вероятно, имеешь в виду, что при смешении этих [разновидностей] получаются некие новые роды.

Сократ. Мне кажется, я здесь прав.

Протарх. Продолжай.

Сократ. Разве в болезнях правильное общение этих [разновидностей] не порождает природу здоровья?

Протарх. Несомненно, порождает.

ΣΩ. Ἐν δὲ ὀξεῖ καὶ βαρεῖ καὶ ταχεῖ καὶ βραδεῖ, ἀπείροις οὖσιν, ἄρ' οὐ ταῦτ' [ἐγγιγνόμενα] ταῦτ' ἅμα πέρας τε ἀπηργάσατο καὶ μουσικὴν σύμπασαν τελεώτατα συνεστήσατο;

ΠΡΩ. Κάλλιστά γε.

ΣΩ. Καὶ μὴν ἔν γε χειμῶσιν καὶ πνίγεσιν ἐγγενομένη τὸ μὲν πολὺ λίαν καὶ ἀπειρον ἀφείλετο, τὸ δὲ ἔμμετρον καὶ ἅμα σύμμετρον ἀπηργάσατο.

ΠΡΩ. Τί μήν;

b ΣΩ. Οὐκοῦν ἐκ τούτων ὥραί τε καὶ ὅσα καλὰ πάντα ἡμῖν γέγονε, τῶν τε ἀπειρῶν καὶ τῶν πέρας ἔχόντων συμμειχθέντων;

ΠΡΩ. Πῶς δ' οὔ;

ΣΩ. Καὶ ἄλλα γε δὴ μυρία ἐπιλείπω λέγων, οἷον μεθ' ὑγείας κάλλος καὶ ἰσχύν, καὶ ἐν ψυχαῖς αὐτῶν πάμπολλα ἕτερα καὶ πάγκαλα. ὕβριν γάρ που καὶ σύμπασαν πάντων πονηρίαν αὕτη κατιδοῦσα ἢ θεός, ὧ καλὸν Φίληβε, πέρας οὔτε ἡδονῶν οὔδ' ἐν πλεονασμῶν ἐνὸν ἐν αὐτοῖς, νόμον καὶ τάξιν πέρας ἔχοντ' ἔθετο· καὶ σὺ μὲν ἀποκναῖσαι φῆς

c αὐτήν, ἐγὼ δὲ τοῦναντίον ἀποσῶσαι λέγω. σοὶ δέ, ὧ Πρώταρχε, πῶς φαίνεται;

ΠΡΩ. Καὶ μάλα, ὧ Σώκρατες, ἔμοιγε κατὰ νοῦν.

ΣΩ. Οὐκοῦν τὰ μὲν δὴ τρία ταῦτα εἴρηκα, εἰ συννοεῖς.

ΠΡΩ. Ἀλλ' οἶμαι κατανοεῖν· ἐν μὲν γὰρ μοι δοκεῖς τὸ ἀπειρον λέγειν, ἐν δὲ καὶ δεύτερον τὸ πέρας ἐν τοῖς οὔσι τρίτον δὲ οὐ σφόδρα κατέχω τί βούλει φράζειν.

ΣΩ. Τὸ γὰρ πλήθος σε, ὧ θαυμάσιε, ἐξέπληξε τῆς τοῦ τρίτου γενέσεως· καίτοι πολλὰ γε καὶ τὸ ἀπειρον παρέσχετο γέννη, ὅμως δ' ἐπισφραγισθέντα τῷ τοῦ μᾶλλον καὶ ἐναντίου γένει ἐν ἐφάνη.

ΠΡΩ. Ἀληθῆ.

Сократ. А в высоком и низком тонах, в ускорениях и замедлениях, которые беспредельны, разве не происходит то же самое: одновременно порождается предел и создается наилучшая музыка?

Протарх. Безусловно.

Сократ. И когда то же самое происходит с холодом и зноем, уничтожается "слишком много" и беспредельное и порождается умеренное и вместе с тем соразмерное.

Протарх. Как же иначе?

Сократ. Разве не из этого, то есть не из смешения беспредельного и заключающего в себе предел, состоят времена года и все, что у нас есть прекрасного?

Протарх. Как же иначе?

Сократ. Я уже не говорю о тысяче других вещей, например о красоте и силе в соединении со здоровьем, а также о многих иных прекраснейших свойствах души. Ведь и наша богиня, прекрасный Филеб, видя невоздержность и всяческую порочность, когда люди переходят предел в удовольствиях и в пресыщении, установила закон и порядок, заключающие в себе предел. Хотя ты и говоришь, что эта богиня приносит терзания, я, напротив, утверждаю, что она приносит спасение. А тебе как, Протарх, кажется?

Протарх. Сказанное тобою, Сократ, и мне очень по сердцу.

Сократ. Итак, я назвал три рода, если ты меня понимаешь.

Протарх. Да, думается мне, понимаю. Одно единство ты, по-видимому, называешь беспредельным, а другое – пределом в существующем. А что ты разумеешь под третьим, я не очень-то улавливаю.

Сократ. Потому, любезнейший, что тебя поразило изобилие этого третьего рода. Правда, и в беспредельном есть много родов, но так как они отмечены признаками увеличения и уменьшения, то беспредельное кажется единым.

Протарх. Правильно.

ΣΩ. Καὶ μὴν τό γε πέρασ οὔτε πολλὰ εἶχεν, οὔτ' ἐδυσκολαίνομεν ὡς οὐκ ἦν ἐν φύσει.

ΠΡΩ. Πῶς γὰρ ἄν;

ΣΩ. Οὐδαμῶς. ἀλλὰ τρίτον φάθι με λέγειν, ἐν τοῦτο τιθέντα τὸ τούτων ἔκγονον ἅπαν, γένεσιν εἰς οὐσίαν ἐκ τῶν μετὰ τοῦ πέρατος ἀπειργασμένων μέτρων.

Сократ. Что же касается предела, то, с одной стороны, он не заключал множества, а с другой – мы не досадовали на то, что он не един по природе.

Протарх. Да и может ли быть иначе?

Сократ. Ни в коем случае. Но, говоря о третьем, я – смотри – имел в виду все то, что первые два рода порождают как единое, именно возникновение к бытию как следствие ограниченных пределом мер.